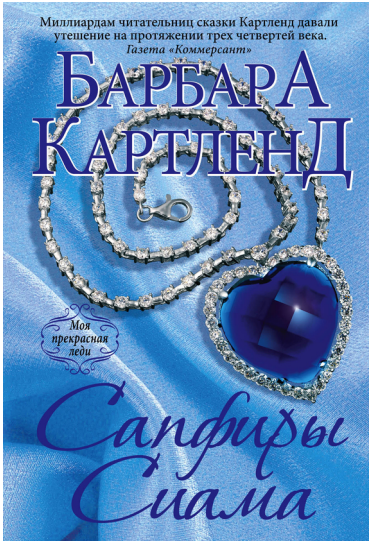

Барбара Картленд
Сапфиры Сиама

Серия «Моя прекрасная леди. Романы
Барбары Картленд и Евгении Марлитт»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18397777

Картленд, Барбара. Сапфиры Сиама: Издательство «Э»; Москва; 2016

ISBN 978-5-699-88433-9

Аннотация

Ужасная трагедия случилась в сиамском храме. Пропали всемирно известные сапфиры. По поручению короля Кэлвин Брук отправляется на поиски драгоценностей, но при загадочных обстоятельствах исчезает. Все считают его погибшим, и только дочь и давний друг Осмонд Вэйл не могут смириться с потерей. Но чтобы отыскать Кэлвина, им предстоит отправиться в далекий Сиам, по пути в который они не раз столкнутся с опасностями...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	16
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Барбара Картленд Сапфиры Сиам

Barbara Cartland

Sapphires in Siam

© Barbara Cartland Promotions, 1987

© Гюббенет И., перевод на русский язык, 2016

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Э»,
2016

Глава 1

1898

Маркиз Вэйл лежал с закрытыми глазами и чувствовал, что ему все надоело: мягкость постели, духота спальни, аромат тубероз, который якобы возбуждал страсть, и прильнувшее к нему теплое женское тело.

Овладевшая маркизом скука не была ему в новинку. Однако на сей раз это состояние наступило как никогда быстро – он был в постели с леди Весток всего второй раз. Вся беда в том, размышлял он, что в случившемся не было ничего нового, ничего оригинального. С самого начала вечера он мог точно предсказать, что будет сказано и что за этим последует. Перебирая в уме последнюю дюжину своих романов, он обнаруживал в них редкое однообразие: они неизбежно надоедали ему задолго до того, как заинтересованная дама могла понять, что происходит. На деле в этом не было ничего удивительного, ведь маркиз ожидал, что каждая женщина, с которой он вступает в связь, обладает своей неповторимой индивидуальностью. Все значительные события в его жизни случались внезапно.

Окончив Оксфорд, он поступил на военную службу, где проявил себя доблестным воином и выдающимся командиром на поле боя. Позже, за редкие личные качества и талант дипломата, его направили в Индию адъютантом вице-короля. Пока он наслаждался Востоком, умер его дед по материнской линии и неожиданно отписал ему все свое огромное состояние. Стремясь избежать светских условностей, связанных с новым статусом, он вышел в отставку и начал путешествовать. Странствия маркиза приводили его к встречам с самыми разными людьми, незнакомыми религиями, а иногда он сталкивался с серьезными опасностями.

После смерти отца Осмонд Вэйл неожиданно – из-за гибели в бою старшего брата – унаследовал и титул. В результате всех этих событий он стал пользоваться успехом в изысканном высшем обществе, возглавляемом принцем Уэльским. Как и следовало ожидать, маркиз сделался желанным гостем в Мальборо-Хаус.

Теперь в глазах у каждой встречавшейся ему женщины неизбежно загорался огонек, который единственно означал приглашение. Сначала маркиз был приятно заинтригован, находя женщин из высшего света отличными от тех, с кем он встречался во время своих путешествий. Однако, как кто-то цинично выразился, в темноте все кошки серы. Скоро он обнаружил, что героини всех его романов были совершенно одинаковы, и это наводило на него тоску.

Откровенно говоря, что ему действительно доставляло удовольствие, так это удовлетворение охотничьего инстинкта. Преследуя понравившуюся женщину, он испытывал такое же возбуждение и азарт, как при восхождении на Гималаи. Когда очередная прелестница уступала ему, он испытывал гордость охотника.

Увы, ему редко выпадала возможность насладиться ухаживанием. Совсем наоборот, леди Сибил сама преследовала его два месяца, как загнанного оленя, пока он наконец не поддался ее настойчивости. Она была чрезвычайно хороша. Впервые увидев ее на балу в Мальборо-Хаус после приватного ужина у принца и принцессы Уэльских, он подумал, что эта девушка станет исключением. Однако вышло так, что не она уступила маркизу, а маркиз поддался ей. Он быстро понял, что она ничем не отличается от других женщин, которых он оставлял несчастными или оскорбленными.

Очарование и красота леди Сибил не подлежали сомнению. Она была прекрасна, как греческая богиня, а волосы ее были цвета предрассветного неба. К сожалению, за прозрачностью ее голубых глаз не скрывалось ничего, и ни разу она не сказала нечто такое, что он мог бы потом вспомнить. Секс между ними был вполне удовлетворителен – этого Осмонд не мог отрицать. В то же время он сознавал, что ему нужно нечто большее, чем просто физическое наслаждение. Чего именно он желал, маркиз не мог объяснить даже самому себе.

Отбросив отороченную кружевом простыню, он приподнялся. Леди Сибил издала жалобный возглас.

– Ты покидаешь меня, Осмонд?

– Мне нужно идти.

– Но еще так рано! Я не могу потерять тебя!

Мужчина не ответил, и она продолжила, лаская его:

– Более чудесного любовника нельзя найти. Как замечательно, что Эдварда сейчас нет, и завтра мы сможем снова провести ночь вместе.

Маркиз знал, что этого не произойдет, но был слишком тактичен, чтобы заявить о своих намерениях вслух. Леди Сибил упрямо цеплялась к нему, поэтому он сумел подняться, лишь приложив усилие.

Надувшись, она откинулась на подушки.

– Я не понимаю, почему ты так стремишься покинуть меня, когда здесь до пяти часов никто не шевельнется.

– Ты забываешь, что я должен быть дома до того, как проснется моя прислуга, – ответил маркиз.

Леди Сибил рассмеялась.

– Они должны были уже привыкнуть к тому, что ты возвращаешься с рассветом! Дорогой, я отпущу тебя, только если ты пообещаешь поужинать у меня завтра вечером.

После минутной паузы она продолжила:

– Я увижу тебя на завтраке в Девоншир-Хаус, куда мы оба приглашены.

Проворно одевающийся маркиз подумал, что единственное, ради чего там стоило присутствовать, было общество самой герцогини Девонширской. Несмотря на возраст, она по-прежнему была интересной женщиной.

Она поражала Лондон своей красотой уже в первом браке с герцогом Манчестерским. Отец Осмонда вспоминал об особой окружавшей ее ауре невинности и чистоты. Когда после смерти мужа она сошлась с маркизом Хартингтоном, ее поведение оставалось безукоризненным. Встречаясь с маркизом в обществе, она говорила с ним холодно, обращаясь к нему так, как требует его титул. Многие годы даже самые завзятые сплетники не были до конца уверены, был ли маркиз ее любовником. Даже когда она наконец вышла за него замуж и стала герцогиней Девонширской, она смогла сохранить присущее ей достоинство. Это качество ее выделяло, и притом ни один муж не мог бы желать более внимательной жены.

Почему другие женщины не могут на нее походить, думал маркиз, застегивая рубашку. По собственному опыту он знал, что женщинам нравится выставлять свою связь с ним напоказ.

Только неделю назад он сказал своей нынешней пассии:

– Не нужно так откровенно улыбаться, когда я вхожу в комнату, где собрались наши общие друзья.

– Но я же так рада видеть тебя, Осмонд! – отвечала она. – В тот момент, когда ты появляешься, мое сердце трепещет, и я хочу устремиться в твои объятия!

Маркиз с раздражением отметил, что такая реакция ему не нравится, поскольку может дать повод для сплетен. Он не имел ни малейшего желания участвовать в дуэли с разгневанным супругом.

Королева Виктория строго запретила дуэли, но они все-таки иногда случались. Маркиз не желал оказаться замешанным в такую историю, тем более что с дамой, о которой шла речь, его не связывали крепкие чувства, и он был готов с ней расстаться.

В этом-то и заключается вся проблема, думал он. Все женщины, с которыми у маркиза были романы, переставали иметь для него ценность, как только он с ними сближался. Он был бы рад покорять ради них горные вершины или опускаться в морские глубины, но стоило только сделать шаг им навстречу, они уже готовы были ему отдаться.

«Черт! На что я жалуюсь?» – мысленно спрашивал он свое отражение в зеркале, последний раз поправляя галстук. Он надел свой превосходно сшитый фрак, затем повернулся к леди Сибил, нарочно принявшей самую соблазнительную позу на смятой постели.

– Благодарю, Сибил, за очень приятный вечер, – сказал он своим звучным голосом.

Когда она поняла, что маркиз действительно уходит, она села в постели, обнажив грудь безупречной формы.

– Как ты можешь быть так жесток, чтобы уйти, когда я хочу, чтобы ты остался? – спросила она.

Маркиз взял ее протянутую руку и небрежным жестом поднес к губам.

– Поспи, Сибил, – сказал он. – Я хочу, чтобы завтра в Девоншир-Хаус ты была самой красивой.

Она стиснула ему пальцы.

– А ночью мы снова будем вместе, – сказала она нежно. – О, Осмонд, я так люблю тебя! Мне кажется, что завтра никогда не наступит!

Он улыбнулся ей, с трудом высвободил свою руку и быстро вышел.

Когда леди Сибил услышала его удаляющиеся шаги по коридору в сторону лестницы, она встала, размышляя, не совершила ли ошибку, отпустив его. Молодая женщина подавила порыв побежать следом и заставить его остаться.

– Завтра ночью я задержу его подольше! – пообещала она себе.

Когда маркиз спустился по лестнице в холл, дремавший на стуле лакей вскочил, чтобы открыть ему парадную дверь. Он напомнил себе, что должен придумать какой-то предлог, чтобы больше не возвращаться в этот дом. Невозможно было признаться женщине, что ему с ней скучно.

Обычно маркиз устраивал дело таким образом, чтобы окончание его романов совпадало по времени с неотложной необходимостью покинуть Лондон ради какого-то важного события, например скачек в Ньюмаркете или охотничьего сезона в Шотландии, и хотя в настоящий момент у него не было убедительного предлога не ужинать с леди Сибил, он уверенно сказал себе, что к утру обязательно что-нибудь придумает.

Ночной воздух был холодным и резким, но так как Восток-Хаус находился неподалеку от его собственного дома, он отпустил кучера еще вечером. По дороге в его воображении неожиданно возникали то покрытые снегом вершины гор, то бурные волны Бискайского залива.

– Пока я должен оставаться в Англии, – сказал он себе.

Он вдруг ощутил, что предрассветный холодок развеял удушающую атмосферу спальни Сибил. К тому времени как он дошел до Вэйл-Хаус, он вполне остыл, но был полон энергии и бодрости. Маркиз сказал лакею, что утром после завтрака выедет на верховую прогулку. Он поднялся в спальню, где его ожидал камердинер, и молча разделся – в этот ранний час он был не в настроении разговаривать.

Когда он лег в постель, то вопреки своим ожиданиям заснул не сразу. Он снова задумался о том, почему женщины ему так быстро надоедают. Он знал, что многие его знакомые сочли бы невероятным отсутствие у него желания снова прикоснуться к Сибил. Она считалась одной из самых красивых женщин в Лондоне. Казалось, здесь было множество

таких красавиц. Всех их можно было встретить в Мальборо-Хаус, где стареющий принц Уэльский проявлял все ту же склонность к хорошеньким личикам, какой отличался в юности. Он наслаждался восторгами любви, где бы их ни находил.

Маркиз не видел оснований не последовать примеру его королевского высочества. Дело было не только в том, что он не желал жениться, несмотря на мольбы родни, жаждавшей наследника. Он был еще и брезглив – никогда не выбирал себе любовниц из низших классов. У этого мужчины никогда не возникало необходимости покупать любовь.

К тому же он находил идею содержать маленький уютный домик в Сент-Джонз-Вуд, как это делали многие члены его клуба, унижительной для себя.

Он не желал никого другого, кроме дам из высшего общества. Он отлично знал, что все они жаждут его внимания: с момента первой встречи женщины ясно давали ему понять, что они им интересуются.

Он ворочался в постели, повторяя про себя:

«Мне скучно! Скучно! Скучно!»

Эти слова звучали у него в голове, пока он наконец не заснул.

На следующее утро маркиз обнаружил, что ночью был не только сильный мороз, но и резкий ветер, который и сейчас раскачивал деревья Гайд-парка. Кроме него, на улице оказалось мало всадников. Однако он любил верховую езду, и резкость ветра показалась ему приятно освежающей и ободряющей.

Возвращаясь домой к завтраку в девять часов, он почувствовал, что голоден. В столовой на серебряных тарелках был накрыт традиционный завтрак – блюда выглядели очень соблазнительно и аппетитно. Там был большой кусок золотистого масла от его джерсейских коров из Вэйл-парка в Хартфордшире, горшочек меда с его собственной пасеки, горячие булочки и кусок домашнего хлеба, который повар испек специально для него ранним утром.

Маркиз, однако, ел очень умеренно, не желая располнеть. Он не хотел, достигнув возраста принца Уэльского, походить на него. По этой же причине он уделял много времени физическим нагрузкам. Будучи за городом, он объезжал свою усадьбу верхом в любую погоду, пользуясь экипажем, только когда собирался в гости. Потому у маркиза не было ни одной лишней унции веса.

Встав из-за стола, где оставалось еще не меньше полудюжины нетронутых блюд, он подумал, что мало кто из людей его положения заметил бы это или счел напрасной тратой. Однако маркиз был убежден, что с большей частью всего этого покончит прислуга.

Во время путешествий ему часто приходилось долгое время довольствоваться очень скромным пайком, и поэтому он относился к пище с уважением. Выходя из столовой, он подумал, что любая критика с его стороны лишь удивит и огорчит домашних. При нем все шло так же, как было заведено при его отце. Откровенно говоря, и со времен его деда в хозяйстве мало что изменилось.

Маркиз прошел к себе в кабинет, где его секретарь, мистер Боус, оставил на письменном столе свежие письма. Те из них, где речь шла о делах или о приглашениях, были вскрыты. Однако те, от которых пахло духами, или надписанные женской рукой, лежали отдельной пачкой, нераспечатанные.

Маркиз уселся за стол и принялся просматривать деловые письма.

Дверь открылась, и дворецкий сказал:

– Его превосходительство посол Сиама, милорд.

Удивленный маркиз поднял взгляд.

Он несколько раз встречал сиамского посла на приемах, но не мог представить себе, по какой причине тот стал бы наносить ему визит в такой ранний час.

Это был маленький человечек с седеющими волосами.

Он почтительно поклонился маркизу, который поднялся из-за стола, чтобы его приветствовать.

Посол сказал на превосходном английском языке:

– Вы должны простить меня, милорд, что я явился к вам так рано, но я получил срочное известие из Бангкока, которое считаю своим долгом передать вам незамедлительно.

– Прошу вас садиться, ваше превосходительство, – пригласил маркиз, гадая, что это могла быть за новость.

Посол сел в кресло с прямой спинкой и, когда маркиз опустил на стул напротив него, сказал:

– Его величество король Чулалолонгкорн поручил мне сообщить вам, что мистер Кэлвин Брук скончался.

Маркиз невольно вздрогнул.

– Он умер? Вы уверены?

– Я опасался, милорд, что это известие поразит вас, но его величество поручил мне сообщить вам о кончине мистера Брука в первую очередь.

Он немного помолчал, давая возможность маркизу полностью осознать случившееся, и затем продолжил:

– Более того, если это возможно, его величество был бы очень признателен, если бы вы немедленно отправились к нему в Бангкок.

Маркиз смотрел на посла с изумлением. Его чрезвычайно взволновало известие о смерти друга, и ему показалось очень странным, что король желает личной встречи с ним.

Приняв во внимание все услышанное, он сообразил, какова возможная причина приглашения.

Было, вероятно, что-то странное в смерти Кэлвина Брука. Более того, это должно было быть нечто, связанное с дипломатической миссией, а может быть, и еще более важными вещами.

Маркиз встретил Кэлвина Брука несколько лет назад в Индии. Ему говорили, что это очень странный, необычный человек. Маркиз догадывался, хотя никто ему об этом не говорил, что Брук был серьезно вовлечен в операцию, известную под названием «Большая игра».

Это была система контрразведки, созданная для наблюдения за попытками вторгнуться в Индию, провоцируя волнения среди представителей отдельных племен в пограничных районах.

Позднее он встретился с Кэлвином Бруком в Непале. Он понял, что это был человек, тысячей разнообразных способов вовлеченный в международную политику не только в Индии, но и в других восточных государствах.

Впоследствии он много с ним путешествовал. Осмонд вспоминал это время как самое волнующее в своей жизни. Это были не только опасности, подстерегавшие его на море, в джунглях или в пустыне. Ему приходилось подавлять мятежи, предвосхищать восстания, по меньшей мере десятки раз рискуя при этом жизнью. Эти испытания ему было не забыть.

Он расстался с Кэлвином Бруком, только когда был вынужден вернуться домой после смерти отца. Теперь, узнав, что этого человека больше нет в живых, он понимал, какая это огромная потеря для многих.

По возвращении в Англию он узнал от министра иностранных дел, что Кэлвину предлагали пэрство и разные другие почести. Он все отверг. Это было типично для него, человека, всегда предпочитавшего оставаться безвестным. Он не желал быть кому-либо в чем-либо обязанным и даже принадлежать какой-то отдельно взятой стране.

Он просто всегда хотел быть в гуще событий и ухитрялся появляться в горячих точках, где какими-то ему одному известными способами умудрялся тушить пожары.

Все это промелькнуло в памяти маркиза, а затем он сказал:

– Этого не может быть! Я не могу поверить, что Брук мертв.

– Я думаю, что здесь есть какая-то тайна, – сказал посол. – Поэтому его величество и желает, чтобы вы приехали.

Поскольку Осмонду был знаком восточный менталитет, он был уверен, что посол был проницателен и усмотрел в данном ему поручении больше, чем там было сказано.

Последовала долгая пауза, и затем маркиз сказал:

– Я немедленно отправляюсь в Бангкок! Телеграфируйте его величеству, чтобы он ожидал меня.

Посол широко улыбнулся.

– Это очень любезно со стороны вашей милости, и я знаю, его величество будет очень рад принять вас.

Маркиз еще не успел подняться с места, когда он добавил:

– Есть еще одно обстоятельство. Раз вы знали Кэлвина Брука, было бы очень любезно с вашей стороны, если бы вы сообщили обо всем его дочери.

Маркиз уставился на него.

– Я и забыл, что у него есть дочь.

– Она сейчас в Лондоне под покровительством своей тетки, леди Брук, вдовы брата Кэлвина Брука.

– Разумеется, я посещу ее, – сказал маркиз.

– Вы очень добры, – отвечал посол. – Боюсь, что она будет очень огорчена потерей отца.

Маркиз в этом не сомневался.

Он вспомнил, что Кэлвин Брук однажды рассказал ему, что его жена умерла несколько лет назад, и их единственный ребенок, дочь, находилась в это время в Каире.

– Я оставил ее там полгода назад, когда выехал на Восток, – сказал Кэлвин. – Она сейчас у друзей, которые вернутся с ней в Англию, где она будет учиться. – Вздохнув, он продолжал: – Она путешествовала со мной, но сейчас ей необходимо получить приличное образование. Я скучаю по ней, мне ее очень недостает.

Маркиз слушал его не особенно внимательно и думал, что на самом деле Кэлвин Брук найдет его общество куда более подходящим, чем общество ребенка.

Он вспомнил озабоченность своего товарища во время их последней совместной экспедиции через Бирму в Сиам, которая протекала с большими неудобствами.

Брук просил его тогда, если что-нибудь случится с ним, стать опекуном его дочери.

– Я сделаю все, что вы хотите, – сказал тогда маркиз небрежно, – но только ради бога берегите себя!

Выждав мгновение, он продолжал:

– Вы слишком ценный человек, чтобы дать себя убить отравленной стрелой или умереть от тропической лихорадки в джунглях, где на сотни миль не найти доктора.

Кэлвин Брук рассмеялся.

– Постараюсь избежать и того, и другого! На самом деле там, куда мы направляемся, куда выше вероятность получить нож в спину или пулю в лоб, не имея ни малейшего представления о том, кем был нападавший.

– Я рад, что вы меня предупредили! – засмеялся маркиз.

Он вспомнил, что, прежде чем отправиться навстречу описанным им опасностям, Брук отправил письмо в Англию. В нем он сообщал своим поверенным, что в случае его смерти лорд Осмонд Скелтон-Вэйл станет опекуном его дочери Анканы.

– Да, ее так зовут, – сказал маркиз вслух. – Анкана!

– На сиамском языке это значит «красавица», – объяснил посол.

– Будем надеяться, что она оправдывает свое имя, – отвечал маркиз.

Вскоре после разговора с послом Осмонд отправился в Белгрейвию, где, как он узнал, живет мисс Анкана Брук.

Интересно, похожа ли она на своего отца, думал он. Кэлвин Брук был очень хорош собой. Но, возможно, она была застенчивая, неловкая, неуклюжая, какими он считал английских девиц по сравнению с их ровесницами других национальностей.

Он был очарован красотой индианок. Их дети с огромными темными глазами выглядели как картинки из альбома. То же самое он мог сказать и о девушках с Цейлона. Он находил у женщин с Бали и из Сиама грацию, какая не встречалась ему на Западе. «Слишком рослые, массивные и чересчур бойкие!» – думал он об английских девушках, пока его лакей звонил в дверь дома, куда он намеревался нанести визит.

Когда он осведомился о мисс Анкане Брук, его провели в хорошо обставленную, но скучную гостиную. Он был уверен, что именно такие гостиные были во всех домах Белгрейвии.

Пока он дожидался, ему пришло в голову, что образ Кэлвина как-то не вязался с такими условностями. В жару он видел его в одном только саронге. По пояс в грязи они вместе шагали по малайским джунглям.

Когда открылась дверь, он с удивлением взглянул на вошедшую девушку. По английским меркам она была невысокого роста, не выше пяти футов, и очень худенькая и стройная. Волосы у нее были темные, и глаза казались огромными на маленьком личике в форме сердечка.

Она так отличалась от той, какую ожидал увидеть маркиз, что он не мог отвести от нее глаз. Когда она подошла ближе, он увидел в ней некоторое сходство с отцом, но только смутное и относящееся больше к личности, чем ко внешности.

– Мне сказали, что вы хотели увидеть меня, – сказала она. – Вас прислал папа?

С этими словами она протянула ему руку, показавшуюся маркизу очень маленькой в его руке. Но в ней было что-то живое и энергичное. Такое ощущение было у маркиза, когда он прикасался к Кэлвину Бруку: тот, казалось, излучал энергию, которую маркизу не случалось чувствовать в других.

– Не сесть ли нам, мисс Брук? – мягко предложил он.

– Меня зовут Анкана, – отвечала она, – и так как мне известно, что папа просил вас быть моим опекуном, если с ним что-то случится, мне кажется нелепым, что вы обращаетесь ко мне так официально.

– Я согласен с вами, – сказал маркиз, – и вы должны извинить меня, если я спрошу вас, сколько вам лет. Откровенно говоря, несколько лет я не вспоминал о вас.

– Восемнадцать, – отвечала Анкана.

Маркиз ожидал, что она на несколько лет моложе.

Она села на софу и, когда он опустился рядом с ней, взглянула на него вопросительно. Он почувствовал, что ему трудно найти нужные слова.

– Боюсь, Анкана, что у меня для вас печальные новости.

Она сидела неподвижно и молчала. Он продолжил:

– Час тому назад посол Сиама сказал мне, что получил сообщение от его величества короля, где говорилось, что ваш отец умер.

Говоря это, он чувствовал, что выражается резко и почти жестоко. Он не мог придумать, как можно смягчить такое известие, чтобы его было легче принять.

С минуту Анкана молчала. Потом она сказала:

– Это неправда! Папа жив!

Маркиз уставился на нее.

– Почему вы говорите так?

– Потому что я знаю, что он жив, – сказала она. – У него, быть может, большие неприятности, но он не умер, чтобы там ни говорил король!

Несколько мгновений маркиз не находил слов для ответа, и она сказала:

– Что вы собираетесь делать по этому поводу?

– Его величество просил меня немедленно выехать в Бангкок. Я действительно думаю, что в смерти вашего отца есть какая-то тайна.

– Этому я могу поверить! – сказала Анкана. – Но я знаю, я бы почувствовала, если бы он умер.

Она немного помолчала и затем сказала убежденно:

– Я целиком и полностью уверена, хотя вы, конечно, можете мне не поверить, что у них не найдется никаких доказательств, подтверждающих его смерть.

– Я не понимаю, как вы можете быть настолько уверены, – сказал маркиз. – Я убежден, что король Сиама, очень неглупый человек, не послал бы такое сообщение, если бы у него не было доказательств, что ваш отец действительно умер.

– Если бы с папой что-нибудь случилось, я бы знала, – спокойно сказала Анкана. – Когда вы отправляетесь в Бангкок?

– Сегодня во второй половине дня я еду поездом в Фолкстоун, где я спущу на воду свою яхту, и если нам повезет и море будет спокойным, я буду в Бангкоке через месяц.

– Тогда я поеду с вами!

– Это невозможно! – быстро возразил маркиз.

– Почему?

– Во-первых, вы не можете путешествовать со мной одна, а я не намерен собирать целую компанию.

Он умолк, бросив на нее взгляд, и затем продолжил:

– Во-вторых, когда я попаду в Бангкок, мне, возможно, придется путешествовать по стране в поисках вашего отца, а если, как вы подозреваете, он жив, то он скорее всего находится в опасности.

– Иными словами, вы думаете, что он в плену! – сказала Анкана. – Лично я думаю, что, вероятнее всего, он скрывается.

– Зачем и от кого?

Она сделала маленький жест руками, очень выразительный и совсем не английский.

– Вы знали папу, вы путешествовали с ним, – сказала она, – и он всегда был непредсказуем.

– Это действительно так, – согласился маркиз. – И в то же время вы должны признать, что ваш отец рискует больше других.

– Что доставляет ему огромное удовольствие! – сказала Анкана. – И, конечно, ему исключительно везет! Или скорее я бы признала, что у него есть особая защита.

– От кого она исходит? – не мог не спросить маркиз.

– От силы, в которую он верит и к которой всегда прибегал. Он называет ее «жизненной силой», или, как вы бы традиционно описали ее здесь, Богом!

Ее слегка иронический тон заставил маркиза взглянуть на нее вопросительно. Ему было трудно ее понять – откуда такая уверенность, что ее отец жив?

Словно читая его мысли, она слегка усмехнулась и сказала:

– Мы с папой всегда были очень близки, так что думаем одинаково.

Улыбнувшись ему, она продолжила:

– Между нами тесная связь, которую они понимают на Востоке и которая совершенно непостижима для тех, кто живет на Западе и не принимает ничего, что нельзя было бы изложить на бумаге.

Теперь в ее голосе звучала явная насмешка, и маркиз отвечал, как будто защищаясь:

– Вы не можете ожидать, чтобы я поверил во что-то, чего вы не можете доказать.

– Когда вы найдете папу живым – что непременно произойдет, – вы не станете спорить, – сказала Анкана. – Я думаю, милорд, что, если я еду с вами, мне пора собираться.

С этими словами она встала, и маркиз тоже поднялся.

– Позвольте мне разъяснить вам, Анкана, что я не беру вас с собой. Вы останетесь здесь с вашей тетушкой и завершите ваше образование.

Анкана засмеялась.

– Я окончила школу – если вы это имеете в виду под «завершением моего образования» – еще до Рождества. А теперь я готовлюсь к первому выходу в свет, как хорошо воспитанная классическая дебютантка!

Она посмотрела на него и слегка улыбнулась.

– Но папа нуждается во мне, и, слава богу, я могу забыть весь этот вздор!

Маркиз вздохнул.

– Боюсь, Анкана, что как бы убедительно это ни звучало для вас, меня вы не убедили. Мне сообщили из самых надежных источников, что ваш отец умер, и пока я не смогу опровергнуть это, я должен принять это как данность.

По тому, как Анкана смотрела на него, он понял, что она считает его очень глупым, и это его разозлило.

– Я еду в Бангкок, – продолжал он, – и если я найду вашего отца, я немедленно телеграфирую в посольство, чтобы вам обо всем сообщили.

Он глубоко вздохнул и снова заговорил:

– Если же я его не найду, я сделаю все, что в моих силах, чтобы разузнать об обстоятельствах его смерти, и сообщу вам все подробно по возвращении.

Он говорил с ней как с упрямым ребенком, и после короткой паузы Анкана спокойно сказала:

– Вы отправитесь в Бангкок как можно скорее?

– Разумеется, – отвечал маркиз. – Моя яхта, она называется «Морской конек», быстрее любой другой яхты такого же класса, и новые машины, которые я на ней установил, доставят меня в Сиам быстрее, чем океанский лайнер.

– Вы отплываете сегодня вечером?

– Я отправляюсь в Фолкстоун самое большее часа через два.

Он помолчал немного и продолжил сурово:

– Поскольку капитану даны инструкции быть готовым к отплытию в любой момент, мы будем в море еще до наступления темноты.

– И когда вы увидите папу, вы скажете ему, что я думаю о нем и люблю его?

– Я передам ему ваши слова, – пообещал маркиз более мягким голосом, чем он говорил раньше. – Я всей душой желаю, Анкана, чтобы вы были правы и чтобы ваш отец был жив, но, по моему мнению, было бы ошибкой питать слишком много надежд.

– Папа всегда говорит, что нужно искать правду, – сказала Анкана, – и хотя вы можете мне не верить, это именно то, что я делаю.

Она протянула ему руку и добавила:

– Благодарю вас за то, что вы так спешите отправиться в Бангкок по просьбе короля. Так как вы хорошо знаете папу, у меня такое чувство, что он может открыть вам, где он находится, и я уверена, что вы его найдете.

– Я вновь могу только сказать, что я надеюсь, что вы правы.

Произнося эти слова, он слышал в собственном голосе сомнение.

Он снова взял Анкану за руку. Взглянув на девушку, он подумал, как она отличалась от той, кого он ожидал увидеть.

– Bon voyage! – сказала она. – Желаю вам доброго пути и да хранят вас боги! – добавила она по-сиамски.

Маркиз остановился.

– Вы владеете сиамским?

– Немного, – призналась Анкана. – Вы не думаете, что я бы могла быть вам полезна, если бы вы взяли меня с собой?

– Нет, нет, конечно нет! – быстро отвечал маркиз. – Любая молодая женщина была бы только помехой в таком путешествии.

Помолчав мгновение, он сказал сурово:

– Как я уже вам сказал, я не намерен устраивать увеселительную прогулку или, если говорить откровенно, обременять себя вашей особой, когда я туда прибуду.

– Вы очень честны, – сказала Анкана, – но я больше всего хочу, милорд, чтобы вы поспешили.

Она смотрела на него, и в глазах у нее мелькнул страх.

– Я знаю, что папа жив, но я думаю, что он в такой ситуации – я в этом уверена, – в которой он нуждается в помощи, и я надеюсь, что вы сможете ее ему оказать.

Она говорила так уверенно, что маркиз счел бесполезным спорить с ней, уверяя, что ее отца нет в живых. Вместо этого он сказал:

– До свидания, Анкана. Когда я вернусь, я представлю вас моим родственникам, что мне следовало сделать раньше. У них есть дочери вашего возраста, которые будут только рады вас развлечь.

– Это очень любезно с вашей стороны, милорд, – сказала Анкана, – и, разумеется, я в высшей степени благодарна.

Снова в ее голосе прозвучала насмешливая нотка, которая ему очень не нравилась и которую он находил немного дерзкой.

Казалось, она посмеивалась над ним, считая его очень глупым.

По дороге домой он сказал себе, что можно было ожидать, что дочь Кэлвина Брука не будет похожа на других. Но он не представлял себе, насколько она будет от всех отличаться. К его крайнему неудовольствию, она обращалась с ним так, словно он не был способен понять, что она пыталась ему сказать.

Маркиз знал, что на Востоке местные жители почти всех стран, где он побывал, верили, что могут общаться посредством одних лишь мыслей. Люди знали о происшедшем за триста миль, где это случилось, за недели и даже месяцы до того, как приходили официальные сообщения о чьей-то смерти.

Но это не значило, что не бывало и ошибок.

Он не сомневался, что Анкану, дочь англичан, какой бы она ни была необычной, не стоило поощрять в ее убеждении, что отец жив. Она всего лишь принимала желаемое за действительное.

– Впрочем, я скоро узнаю, права она или нет – как только окажусь в Бангкоке, – сказал он себе.

Сразу по возвращении в Вэйл-Хаус он начал приготовления к путешествию.

Он поручил своему секретарю послать дорогой букет орхидей леди Сибил и выразить сожаления по поводу своего отсутствия на ужине. Тут он внезапно понял, что спасен от ее жалоб и слез, которых ему было не избежать, останься он в Лондоне.

Нет худа без добра, подумал он.

Он выглядел очень элегантно, когда сел в экипаж, чтобы отправиться на вокзал. Он знал, что для него приготовлен отдельный вагон и его лакей уже выехал вперед с багажом.

Проезжая по Парк-Лейн, он испытывал такое чувство, будто его ожидает приключение. Мысль о смерти Кэлвина Брука должна была бы вызвать у него глубокую скорбь. Но

несмотря на то, что он был убежден, что это все вздор, он невольно вспоминал уверенный голос Анканы, когда она говорила:

– Папа не умер. Он жив!

Глава 2

Как и было запланировано, в скором поезде на Фолкстоун маркиза ожидал отдельный вагон. За ланчем, приготовленным его личным поваром, он выпил полбутылки шампанского из собственной винокурни. Когда поезд вскоре после четырех часов подошел к вокзалу Фолкстоуна, маркиз был в отличном настроении.

С ним путешествовали прислуга и секретарь. Его с поклонами усадили в экипаж, который должен был доставить его в доки, секретарь ехал следом.

«Морской конек» выглядел великолепно и затмевал все остальные суда в гавани. На мачте развевался флаг Королевского яхт-клуба, наверху у трапа стоял капитан: секретарь известил его телеграммой, как только узнал о намерениях патрона отправиться в Сиам.

На борту маркиза приветствовали корабельным свистком, и он отметил, что капитан и экипаж были довольны перспективой длительного плавания. Мужчина предусмотрительно захватил с собой из Лондона несколько ящиков вина и большое количество провизии. Он сообщил капитану, что желает выйти в море немедленно, а затем, прежде чем подняться на мостик, отвел его на пассажирскую палубу для личного разговора.

— На самом деле, капитан, наш пункт назначения Бангкок, но я не хочу, чтобы мой маршрут стал известен прессе. Не сообщайте экипажу, куда мы направляемся, пока мы не покинем гавань.

— Уверю вас, милорд, ваши намерения и в прошлом всегда хранились в тайне, — отвечал капитан. — Разумеется, все будет сделано в соответствии с вашими пожеланиями.

Он немного помолчал, прежде чем добавить:

— Я не стану извещать даже первого помощника о том, куда мы направляемся, пока мы не выйдем в море.

— Благодарю вас, — сказал маркиз. — Я присоединюсь к вам на мостике через несколько минут.

Он спустился вниз, чтобы убедиться, что некоторые изменения, о которых он распорядился после предыдущего плавания, были осуществлены.

В первый раз яхта ходила в Алжир. Маркиз тогда был в восторге от скорости, которую она могла развить, и тех удобств, какие обнаружил на борту.

Были, однако, некоторые детали, которые он хотел исправить, в том числе относительно спальных принадлежностей.

Его собственная каюта была, по его мнению, особенно хороша: отделанная в зеленых тонах, она казалась маркизу красивой в сочетании с морскими видами.

В каюте стояли книжные шкафы в дополнение к тем, которые находились в салоне. Имея большой опыт морских путешествий, он знал, как невыносимо долго находиться в открытом море без чтения. Поэтому он позаботился о том, чтобы у него на борту была хорошая библиотека. Он также распорядился, чтобы новые книги присылали не только в его лондонский особняк, но и на «Морской конек».

Убедившись, что все в порядке, он поднялся на мостик. Вместе с капитаном он следил за выходом яхты из гавани. Как только они прошли Ла-Манш, маркиз с удовлетворением подумал, что он покинул Англию. Какие бы проблемы ни ожидали его впереди, некоторые заботы остались позади — а именно леди Сибил.

Осмонд знал, что только благодаря своим замечательным организаторским способностям он сумел так быстро отправиться в путь. Маркиз дал своему секретарю инструкции, кого следует известить о его отъезде. Он также поручил ему позаботиться о том, чтобы все шло гладко до его возвращения.

Маркиз ощущал движение яхты, чувствовал ее быстрый ход. Он знал, что скорость дошла уже до семи узлов и могла стать еще больше. Маркиз был очень горд. Он лично осматривал каждую деталь «Морского конька» и знал, что его двигатели безупречны. На яхте было множество новомодных приборов и инженерных хитростей, каких было не найти на ни какой другой яхте и даже на крупном корабле.

Он обратился к капитану:

– Я хотел бы побить все рекорды и достичь Бангкока в кратчайшее время. Как по-вашему, сколько это может занять времени?

Капитан был шотландец и имел обыкновение тщательно все обдумывать, прежде чем давать ответ. Наконец, он сказал:

– Как известно вашей милости, компания «Пенинсьюлар энд Ориентал» хвалится, что они приходят в Индию за семнадцать дней. Я думаю, мы можем улучшить их рекорд. – Он выдержал паузу и, чтобы умерить собственный оптимизм, добавил: – Это если нам повезет. В ином случае – если море будет беспокойным – нам понадобится на пять или шесть дней больше, чтобы достичь Бангкока.

– Я надеялся, что это займет не больше трех недель, – сказал маркиз.

– Быть может, мы сможем удивить вашу милость, – отвечал капитан.

– Я буду очень благодарен, если вам это удастся!

Маркиз спустился вниз и переоделся к ужину, как если бы на борту был устроен прием.

Обед, приготовленный французским поваром и его помощником, китайцем, был превосходным. Прежде чем уйти к себе, маркиз снова поднялся на мостик. Там он обнаружил, что явно недооценил ту скорость, которую могла развить его яхта. С довольной улыбкой он спустился в свою каюту. Его камердинер уже разложил вещи и приготовил все для него.

– Итак, пока дела идут отлично, Добсон! – сказал он, пока слуга помогал ему снять фрак.

– Что и говорить, милорд, одно удовольствие снова пуститься в путешествие.

Маркиз улыбнулся.

Добсона он встретил в Сингапуре, но не в качестве будущего камердинера. На самом деле он был его фактотум, мастер на все руки.

Маркиз обнаружил его помощь незаменимой в незнакомых местах, которые он посещал один, а впоследствии в обществе Кэлвина Брука. Он знал, что подобно ему самому Добсон скучал в Англии без приключений.

Как только маркиз сказал ему, что они едут за границу, в глазах Добсона вспыхнул огонек. Двигался он с необыкновенной быстротой и легкостью.

Сейчас, зная, что Добсона снедает любопытство, так как он еще ничего не знал о случившемся, маркиз решил поделиться с ним.

– Я полагаю, вы знаете, что сегодня утром у меня был посол Сиама? Он приезжал сообщить мне, что мистер Брук умер.

Добсон вытаращил на него глаза.

– Вы уверены, милорд?

– Его величество король Сиама телеграфировал в посольство, чтобы сообщить мне о его смерти. – Он помолчал, чтобы придать больше веса своим словам, и затем продолжил: – Король сказал, что очень желает видеть меня, и поскольку дело не терпит отлагательств, я согласился удовлетворить просьбу его величества.

– Я бы не отказался держать пари, милорд, что мистер Брук так же жив, как и я.

– С чего вы это взяли? – спросил маркиз.

– Если бы у них на руках был труп, – объяснил Добсон, – они просто отправили бы его туда, откуда он взялся.

Маркизу это не приходило в голову, и он подумал, что Добсон верно сообразил.

В то же время он сказал себе, что очень маловероятно, чтобы король считал Кэлвина Брука умершим, если он был жив. Будет ошибкой дарить кому-то надежду только для того, чтобы жестоко ее развенчать.

Вслух он сказал:

– Я уверен, что это плохая примета – рассуждать о том, что в настоящий момент кажется невозможным.

– Нет ничего невозможного, когда речь идет о мистере Бруке, – отвечал Добсон. – Если вы спросите меня, ваша милость, я думаю, он опять взялся за свои фокусы!

– Я вас не спрашиваю! – быстро заметил маркиз. – И я намерен верить разным домыслам, пока не будет доказано обратное.

Добсон не ответил.

Когда он вышел из каюты, маркиз с раздражением подумал: «Сначала Анкана, а теперь Добсон. Все это глупости».

Он был уверен, что если король хотел его видеть, то это было по какой-то другой причине, а не для того, чтобы доказать, что Кэлвин Брук жив.

Осмонд догадывался, что старый друг оказался вовлечен в какой-то тонкий шпионаж, что и привело к его смерти. Вероятно, дело было настолько важным, что король хотел, чтобы он продолжил его с момента смерти Кэлвина.

Он знал, как никто другой, об удивительных успехах, которых им удалось достичь в прошлом. Маркиз знал, что в министерстве иностранных дел хранилась папка с надписью «Чрезвычайно секретно», где были собраны документы об их с Бруком подвигах в Индии и других странах Востока. Когда он унаследовал титул, он думал, что эта часть его жизни позади.

Он не мог подавить, однако, волны возбуждения при мысли, что ему, быть может, снова предстоит путешествовать переодетым в отдаленных районах Сиама. Или, может быть, он должен будет отправиться в Бирму с целью, известной только королю и его наиболее важным министрам.

Когда король Чулалолонгкорн взошел на трон, ему было только пятнадцать лет. За годы, прошедшие со дня его коронации, он удивительным образом преобразовал свой двор и всю страну тысячей самых разнообразных способов.

Он начал с того, что сразу же покончил с древней церемонией представления ко двору. Он позволил чиновникам сидеть во время аудиенций. Для Сиама это были невероятные нововведения. К королю до этих реформ можно было приближаться только на коленях, со смиренно опущенной головой.

Затем он серией последовательных и разумных шагов уничтожил рабство, предоставив рабам и рабовладельцам время для того, чтобы приспособиться к новым условиям. Что было еще более удивительно, он заменил вековую систему принудительной трудовой повинности прямым налогообложением.

Маркиз понимал, что в царствование Чулалолонгкорна произошла самая удивительная революция, которая когда-либо случалась в мире – революция сверху.

Раньше в Сиаме не было ни школ, ни дорог, не говоря уже о железнодорожных путях, ни больниц, ни даже должным образом оснащенной армии. Чтобы совершить столь мощную модернизацию, король привлек иностранных советников.

Он послал своих сыновей и молодых придворных получать образование в крупнейшие города Европы. В Петербург отправился принц Чакрабон и поступил там в пажецкий корпус. Окончив учебу, принц служил в собственном гусарском полку его величества.

Когда маркиз встретился с королем, его поразило, насколько умен сиамский монарх. Они стали друзьями. Именно благодаря маркизу Вэйлу король во время своего путешествия по Европе посетил Англию. Его величество остановился в Букингемском дворце. Поскольку

королева Виктория в то время готовилась в Виндзоре к бриллиантовому юбилею своего царствования, короля принимал принц Уэльский.

Чулалолонгкорн также посетил Россию, Швецию и Бельгию.

Одной из главных причин небывалого успеха этой поездки стало то, что король был первым азиатским монархом, который мог говорить по-английски, не прибегая к услугам переводчика. Вернувшись в Сиам, он написал маркизу очень милое письмо. Он писал, как ему было приятно снова с ним увидеться и как ему все понравилось в Англии.

Что бы король ни попросил его сделать сейчас, думал маркиз, ему будет очень трудно отказаться. Мужчине также не терпелось увидеть перемены, произошедшие в Бангкоке со дня его последнего визита.

Готовясь ко сну, он с энтузиазмом думал о том, что ему предстоит. Уже в постели он снова с облегчением осознал, что один. Не получи он срочного сообщения от короля, он не смог бы избежать встречи с леди Сибил. И в этом случае ему бы все надоело до такой степени, что у него никогда бы больше не возникло желания ее видеть.

Устраиваясь поудобнее в своей большой кровати, он сказал себе, что и на этот раз удача ему не изменила: если со стороны леди Сибил и последуют неизбежные слезы и упреки, теперь это может его не беспокоить. К тому времени, как он вернется, она, несомненно, заведет себе нового любовника.

Проснувшись, маркиз обнаружил, что «Морской конек» сильно качает. Это его не встревожило, потому что он был отличным моряком. Он только надеялся, что все было укреплено достаточно надежно и поломок удастся избежать. Осмонд был вполне уверен в мореходных качествах яхты. До спуска на воду она прошла всевозможные испытания на верфи и потом в море.

Снаружи было очень холодно. Однако благодаря его усилиям на судне была установлена новая система обогрева кают, поэтому, только выйдя на палубу, он понял, насколько резкий дул ветер и какими темными были тучи.

– Чем скорее мы выйдем к солнцу, тем лучше, – сказал он капитану, поднявшись на мостик.

– Пока еще нам не пришлось снижать скорость, милорд, – гордо отвечал капитан.

Маркиз не только долго пробыл на мостике, но и обследовал каюты моряков. Все были довольны тем, как удобно их устроили. Члены команды гордились яхтой и всеми возможными способами давали понять владельцу, какое удовольствие им доставляет на ней работать.

Маркиз знал, что благополучие на судне возможно только тогда, когда все сыты и довольны. Он объяснил это повару с предельной ясностью. Когда он нанимал его, он сказал, что ожидает для себя и своих гостей самых лучших блюд. Он также хотел, чтобы команду хорошо кормили, чтобы пища придавала им силу и бодрость.

С его последним поваром у него вышел скандал из-за того, что на Гибралтаре они не запаслись свежими фруктами и овощами в достаточном количестве. Теперь он был уверен, что такая ситуация больше не повторится.

Во второй половине дня они вошли в Бискайский залив. Маркиз знал, что именно здесь состоится подлинное испытание «Морского конька». В январе море было совсем не таким, как в июне. Однако маркиз с нетерпением ожидал этого момента, не испытывая ни тревоги, ни опасений.

Осмонд был в восторге: перед тем как лечь спать, он сам убедился, что «Морской конек» выстоял, несмотря на бушующее море и сильный ветер. Однако нужно было продвигаться вперед медленно и осторожно: будет глупо сломать себе ногу во время неизбежной качки. День, проведенный в хлопотах на палубе, под порывами сильного ветра, утомил маркиза. Он заснул, едва только его голова коснулась подушки.

Когда он проснулся, то понял, что самое худшее позади. В иллюминаторы светило солнце, и Осмонд догадался, что они недалеко от Лиссабона. Поскольку он торопился, то решил, что если с яхтой ничего не случится, то первую остановку они сделают в порту Гибралтара.

Когда к нему явился Добсон, маркиз первым делом спросил:

– Все в порядке?

– Все, милорд. Ничего не поломалось и не разбилось, кроме нескольких тарелок на камбузе, – заверил его Добсон, – да еще бокала, который ваша милость оставили в салоне.

Маркиз засмеялся. Он знал, что Добсон любил подлавливать его на таких промахах.

– Это была небрежность со стороны стюарда, не заметившего его там, – сказал он с притворной суровостью.

– Вы оставили его на полу у кресла, в котором вы читали, милорд, – сказал Добсон. – А он привык иметь дело с джентльменами, которые ставят бокалы на стол.

Маркиз никогда бы не стерпел такой дерзости ни от кого другого, кроме Добсона. Но Добсон знал его, когда он еще не был важной персоной, и они вместе бывали в разных передрягах. Поэтому он и позволял ему вольности, недопустимые при других обстоятельствах.

Позднее в этот день, когда маркиз спустился переодеться к обеду, Добсон сказал:

– Засов на двери каюты рядом с вашей, милорд, должно быть, закрылся во время качки.

Выждав несколько мгновений, он продолжил:

– Плотник пытался его открыть, однако ничего не вышло. Можно сломать замок, но тогда он поцарапает свежую краску.

– Так пусть ничего и не делает! – резко сказал маркиз. – Если засов заело во время шторма, он может сам вернуться в прежнее положение. Мы ведь не пользуемся этой каютой?

– Я разложил там в гардеробе кое-какие вещи вашей милости, – отвечал Добсон.

– Их у меня полно, – сказал маркиз с усмешкой, – и если это единственное, что вас заботит, я очень признателен.

Маркиз знал, что капитан так же доволен, как и он: «Морской конек» великолепно выдержал шторм. Теперь они зашли в более спокойные воды, оставив позади холода и ветры.

Этим вечером маркиз снова прекрасно поужинал. После ужина, как и накануне вечером, он посмотрел в словаре несколько фраз на урду, которые могли быть ему полезны в Сиаме.

Маркиз пришел к выводу, что это очень сложный язык. Он знал его немного, но ему никогда не случалось пробыть в Сиаме достаточно долго, чтобы выучить больше. Однако всегда и во всем стремившийся достичь совершенства, он имел твердое намерение приложить к этому все усилия.

Когда он начал читать «Историю буддизма», то подумал, что ему неплохо бы найти учителя. Хотя он сомневался, что у него это получится, ведь ему не придется провести в стране много времени.

Было уже поздно, когда он спустился к себе. Добсон вышел, и он уже собрался лечь, но обнаружил, что оставил «Историю буддизма» в салоне наверху. Маркиз протянул было руку за колокольчиком, но потом подумал, что может сходить за книгой сам.

Он надел теплый халат, лежавший в изножье кровати. Осторожно пройдя по коридору – яхту еще слегка покачивало, – он поднялся в салон.

Книга лежала там, где он ее оставил. Сунув ее под мышку, он постоял какое-то время, глядя в темноту. Грозовые тучи исчезли, и небо было усеяно яркими звездами. Он хотел выйти на палубу и полюбоваться ими, но знал, что там будет очень холодно. Маркиз уже разделся и не хотел заполучить простуду, которая могла дать осложнения на почки.

С легким вздохом, словно сожалея о том, что он упускает что-то, что могло бы доставить ему удовольствие, он спустился по трапу вниз. Осмонд прошел по коридору к своей

каюте, занимавшей всю корму, с иллюминаторами по обеим сторонам. Он уже почти дошел до двери и протянул руку к стене, чтобы удержать равновесие.

Когда он проходил мимо каюты, которая, по словам Добсона, закрылась, он отчетливо услышал, как кто-то чихнул. На мгновение Осмонд подумал, что ему показалось. Он остановился и прислушался, опираясь для поддержки о притолоку, и услышал внутри легкое шуршание. Это было невероятно, но, усомнившись в своей собственной способности слышать, он приложил ухо к двери. Теперь у него уже не оставалось сомнений, что внутри кто-то движется.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.